

Автор сердечно благодарит

Владимира Тагировича Тагирова,
Павла Вячеславовича Молитвина,
Александра Сергеевича Расовского,
Адель Левтовну Геворкян,
Наталью Васильевну Герасименко,
Игоря Александровича Сухачёва,
Александра Григорьевича Таненя,
Наталью Александровну Ожигову,
Сергея Александровича Романюгу,
Рамиля Равильевича Бикинеева,
Олега Николаевича Мелентьева,
Леона Леоновича Абрамова —
за ценнейшую информацию и советы,

Хокана Норелиуса (Швеция)

и

Дмитрия Олеговича Фурманского —
за компьютерную поддержку,

а также

издательство «Азбука» —
за понимание и терпение.

*В низкое небо смотрят глазицы
Улиц пустых и гулких дворов.
Медленный вихрь листает страницы
Воспоминаний, мыслей и слов.*

*Не передвинешь — названы сроки —
И не возьмёшь с собой за порог
Писем забытых жёлтые строки
В траурных лентах старых дорог.*

*Холодно что-то стало на свете...
Всё обретает истинный вид:
Милой улыбки нет на портрете —
Злая усмешка губы кривит.*

*А ведь когда-то — дальше от края —
Думал, что вечно будешь любим...
Саваном пыли след замечает
Времени ветер — неумолим.*

1. Ожидание

Отгорел закат, и полная луна облила лес зеленоватым мертвенным серебром. Неживой блеск ночного светила превратил тёплую медь сосен в травленный булат старинных клинков. Было тихо, только чуть слышно лепетал вдалеке речной пережат. Это Звор, младший сын великой Светыни, спешил к матери и точил на своём пути землю, обнажая древние валуны.

Крылатая тень пронеслась между землёй и луной. Беззвучный силуэт скользнул по ветвям, по нежной лесной траве... по спине большого серого зверя, бежавшего через лес...

Зверь был похож на волка и состоял с ним в тесном родстве, что, впрочем, не мешало двум родственникам люто ненавидеть друг друга. Через лес бежал матёрый кобель знаменитой веннской породы. Молчаливый, широкогрудый, поджарый — и суцая погибель, когда доходило до драки.

Сосновые леса раскинулись по холмам. Из распадка в распадок тянулась натопанная тропа, по которой жители ближнего селения ходили в гости к соседям. Она вилась всё больше низинами. Кто полезет на крутой каменистый холм, если можно его обойти?

Пёс бежал когда по тропинке, когда напрямик, через черничник и вереск. Это не были его родные места, но он бежал очень уверенно, потому что знал, куда лежал

его путь. Серебристый мех искрился и блестел в свете луны. Пышную гриву приминал широкий ошейник. Знак, которым люди издавна метят своих зверей, выделяя их из дикого мира. Ничего особенного этот ошейник собой не представлял. Не был свит из золочёных шнуров, не был украшен резными серебряными пластинками. Простая потрёпанная кожа в два слоя, соединённая дратвой. В разное время прошлись по ней чьи-то когти и зубы, виднелся даже глубокий след от ножа...

Только поигрывала в прозрачном луче большая хрустальная бусина, намертво вделанная в тяжёлый ремень.

На макушке одного холма пёс остановился. Потом сел.

Южный склон этого холма когда-то давно, много людских поколений назад, размок от непрерывных дождей и сполз вниз весь целиком, обнажив каменную скалу. Подобных скал по окрестным местам известно было немало, но этот каменный лик превосходил все прочие. Он нависал с севера над небольшой долиной между холмами, прикрывая её от колючих ветров. Внизу, у гранитного подножия, протекал Белый ручей — сын могучего Звора, шустрый внучек Светыни. В какой-нибудь другой стране, менее взысканной¹ от Богов реками и озёрами, Белый сошёл бы за средних размеров речушку. Здесь, однако, изобильный и глубокий поток десяти шагов в ширину считался ручьём.

Весной на холмах таяли снежные сугробы высотой взрослому мужчине по шею. Талая вода текла вниз, и тогда ручей разливался. Поднимался он достаточно высоко — избы стояли на почтительном удалении от

---

¹ *Взыскивать* — здесь: оказывать высшую степень милости и расположения (либо гнева).

бережка, там, где присутствие печного огня уже не могло оскорбить живущего в ручье Водяного. Возле самой воды виднелась только кузница, да и то — на пригорке, над особо устроенной запрудой. Всем известно, что у кузнеца с Водяным свой завет.

Другой, и не менее чтимый, завет требует устраивать кузницу опрочь людского жилья. Это оттого, что кузнец творит Тайну и беседует с Небом, а всякое дело, требующее высокого сосредоточения духа, лучше совершается в уединении. Что ж, в деревне, где жили венны из рода Пятнистых Оленей, кузница была поставлена честно. Человек злоязычный сказал бы, пожалуй, — могли выстроить и подальше. Этак у болота за лесом. Человек доброжелательный указал бы злоречивому на ручей: кузня всё-таки стояла на другой стороне. То есть почти в другом мире, ведь все знают, что реками изначально отделены друг от друга миры.

А человек приметливый тотчас рассудил бы, что и постройка, и запруда при ней выглядели совсем новенькими, свежими. Стояли они на своём месте всего, может быть, год. Весну, лето, осень, многоснежную зиму — и ещё половину весны.

И тот, кто строил, а теперь работал внутри, очень хотел понравиться Пятнистым Оленям. Как это и следует жениху, явившемуся по веннскому обычаю просить бус у невесты.

Несмотря на позднее время, над крышей кузницы вился дымок. Изнутри раздавался стук молотка. Тонкий нюх пса улавливал запахи огня и железа.

Ночью купец не смеет ни продавать, ни покупать, ночью не выносит приговоров судья. Их дела обязаны совершаться лишь днём, под присмотром справедливого Ока Богов. Кузнец выше купца и выше судьи. Когда бы он ни трудился у наковальни — всё благо...

Пёс неподвижно сидел на краю каменного откоса и смотрел на деревню. Из лесу чёрной бесформенной молнией выпорхнула большая летучая мышь. Такие, с голубя, водились много южнее, а в здешних лесах — нет. Тутюшние сородичи были слабее и мельче, драться и играть с ними оказалось неинтересно. Ночной летун коснулся крылом пёсских ушей, молча облетел сидевшего зверя и устроился на ветке сосны у него над головой. Ярко светила луна. Чёрная шерсть на груди и загривке Мыша не просто отливала воронным металлическим блеском, а ещё и серебрилась — красиво и густо. Пещерные мыши из Самоцветных гор живут долго. Уж во всяком случае куда дольше каторжников, которые работают там в рудниках. Крылатому охотнику ещё далеко было до дряхлости. Его клыки даже не начали стачиваться, как бывает у стариков. Новое украшение лишь означало мужественную зрелость.

Пёс не двигался и смотрел на деревню.

Крыши домов были низко нахлобученные, земляные, заросшие травой и цветами. Только возле охлупней рдели, светились отверстия дымогонов.

В одной избе отворилась дверь. Пёс вздрогнул, подался вперёд, пушистый хвост в траве неуверенно дёрнулся... В светлом прямоугольнике входа возник девичий силуэт. Девушка шагнула наружу, дверь за спиной бухнула. Тихий ночной воздух легко разносил звуки. Девушка, нынче встречавшая свою семнадцатую весну, прошла у стены долгого общинного дома и отправилась по тропинке к ручью. В руке она держала корзинку, накрытую полотенцем. Она несла ужин кузнецу, припозднившемуся с работой.

Пёс на краю обрыва лёг и опустил голову на передние лапы. Вздохнул...

Почти одновременно с девушкой из леса по ту сторону ручья вышли олени. Рогатый вожак с подругами

и потомством. Здешние олени испокон веку жили с людьми в доверии и любви. Точно так же веннам из рода Синицы желтогрудые птахи садились безбоязненно на ладонь, а детей рода Гадюки никогда не кусали ядовитые змеи — даже когда ребяташки по недомыслию хватили их за хвосты.

Девушка перешла ручей по камням, заботливо уложенным в русло, — большим, плоским, шершавым. Чтобы не сорвалась с мокрого, не соскользнула нога. Олени, конечно, давно заметили и узнали её. Они знали всех живших в деревне. Жившие в деревне были друзья. И даже более, чем друзья. Кровные родственники. Насчёт кровного родства зверя не обманешь, он за версту чувствует, где оно настоящее, а где нет. Много лет и зим, много поколений назад, будущая Праматерь людского племени спасалась от небывалого наводнения, затопившего лес. И плохо бы ей пришлось, ибо она поранила ногу и не могла быстро бежать, но отколь ни возьмись налетел красавец-олень, принял женщину на могучую спину, в полную скачку унёс от беды. А когда всё миновало — как водится, ударился оземь и обернулся молодым статным мужчиной... С того пошёл род. Люди помнили об этом. И олени помнили.

Пёс видел, как две юные важенки отделились от стада и первыми побежали навстречу — радостно, без робости, без боязни. Они встретили свою человеческую сестрёнку возле переправы. Девушка в длинной веннской рубахе и красно-синей с белой ниткой понёве соступила с последнего камня на берег. Слуха пса достиг её смех. Оленухи щекотали носами её руки. Поздоровавшись, лесные девчонки потянулись к корзине. Старые, величавые самки и важный вожак немедленно заметили это и, позабыв гордиться, дружно прибавили шагу.

Родне в пятнистых меховых шубках досталось по доброму ломтю подсоленного хлеба. Пёс смотрел с холма на лакодившихся оленей и знал, что хлеб, оставленный в корзине для ужина, был вынут совсем из другой печи. Не из той, что пекла хлеб для оленей и их родичей-веннов. Это потому, что молодой кузнец, звонко бивший по наковальне, был не родственником, а гостем. Да таким, что угощать его за своим столом, принимая в родню, было ну никак невозможно.

Венны чтили старинный закон: тех не берут в мужья, с кем вместе едят. А коли уж парень из рода Щегла пришёл сюда, вознамерившись стать женихом... Женихом славницы-Оленюшки...

Пёс смотрел с обрыва на кузницу, изредка моргая.

Его насторожённых ушей достигали далёкие отзвуки двух человеческих голосов. Слов разобрать он не мог, но в этом не было необходимости. Парень с девушкой дружески болтали, смеялись чему-то...

Мышь слетел с ветки и сел на камень рядом с головой пса. Тот покосился на него и вновь стал смотреть.

Ему не требовалось бежать вниз и слушать возле двери. Он и так знал, что происходило в кузнице. Своими глазами много раз видел... в другом месте, в другом времени... в другой жизни.

Там, внутри, на опрятно обмахнутом верстаке разложено браное¹ полотенце, а на нём стоит глиняная миса с чисто облизанной ложкой. Пришедшего в женихи — да притом ещё кузнеца — кормят на славу, так, что он капельки недоеденной не оставит, уберёт в рот даже сверх сыта. И хлеба на полотенце не покинет ни крошки. Грех это, хлеб крошить и крошки бросать. Не можно такого

¹ Браное — вытканное по старинному способу, с рельефными узорами, образованными переплетением нитей.

содять юному жениху. Выгонят. И от срама до старости не отмоешься.

А парень с девкой сидят на лавке возле стены, и горит перед ними светец, и шипят угольки, падая в корытце с водой. Светец, может, тот самый, что пареньёк сегодня закончил. Со славно оттянутым, заострённым нижним концом и расщепами, куда вставляют лучину. Люди, слепые на красоту, для этого просто надрубают металл: держит щетку — и ладно! Но молодой кузнец, конечно, постарался на совесть. Лучина у него покоится между живыми цветочными лепестками, в загнутых лапках тычинок. И цветок не абы какой, а в точности тот, что возле кузницы расцвёл, перед самым порогом. Расцвёл и Оленюшке понравился. То-то каждый листочек подпилком тщательно выведен. И чего доброго, ещё бабочка сверху присела, сладкий сок пробует...

Был такой светец в иной жизни, в ином месте и времени. Далеко отсюда, давно...

Девушка любит славным светцом, а парень любит девушкой. И беда ли ему, что будущую невесту не назовёшь стройной на диво, и губы у неё не вишнёвые, а самые обыкновенные, и коса не такая роскошная, как у иных. Гнал бы за великой красотой — стояла бы ныне его кузница где-нибудь в другом месте. В другом роду. Ан ведь нет. Здесь выстроена.

Вежливый парень не ловит мозолистыми пятернями девичьих рук, не пытается припасть устами к устам. Может, сердце ретивое в нём так и пылает, так и зовёт — ну да что с того? Он сидит чинно, мечтая про себя, чтобы вдруг рухнула в кузне крепкая крыша, рассыпались ладные стены... дали случай подхватить Оленюшку, прижать к широкой груди, на руках спасти от беды! Но не рушится кров, не падают стены. И, собравшись с духом, кузнец показывает девушке красный ожог

на запястье. Оленюшка тоже не вчера родилась, видывала виды похуже. Что такое ожог с ноготь величиной? На запястье, которое шире её обоих, сложенных вместе?.. Но отчего-то девушка ахает, берёт-таки его руку, склоняется посмотреть. Заботливо спрашивает, крошил ли он больное место простоквашей. Кропил, отвечает парень. Только не простоквашей. И оба хохочут.

Потом дверь кузни снова открылась, выпуская жениха и невесту. Пёс видел: вот подошли к переправе... и парень опять взял девушку за руку. Это правильно. Мало ли что она снуёт туда и сюда по сто раз на дню и не оскальзывается! Без него — пусть. С ним — только так, так надёжней.

Молодой кузнец проводил Оленюшку до крыльца матушкиной избы. Сам после этого пошёл к общинному дому, где всегда селят гостей. Девушка стояла на крыльце, смутно белея в лунной тени. Когда парень исчез в доме, она не сразу ушла. Ещё постояла, глядя за ручей, на пасущихся оленей... Пёс на холме шевельнулся и встал. Скроется Оленюшка — уходить и ему.

Она вправду вроде протянула руку к двери... И вдруг обернулась. И посмотрела прямо на холм, на обрывистый каменный лик, на его срезанную вершину.

И хрустальная бусина, вшитая в пёсий ошейник, нечаянно бросила её в зрачки лунный луч, отражённый чистыми гранями. Длилось это мгновение.

Водные потоки действительно разделяют миры. Не всегда, конечно. За ручьём — курице перелететь — совсем не обязательно начинается иной мир. Но любой замечал, что на ТОЙ стороне и деревья лесные кажутся чуть-чуть не такими, как ЗДЕСЬ. И птицы, и звери. Не говоря уж о людях, которые там живут. Не обязательно другой мир. Просто — чуть-чуть, а ДРУГОЕ...

Пёс долго бежал вдоль ручья, ища нужное место. И примерно через версту достиг падуна: вода слитной толщей лилась через каменный край и падала с высоты в три человеческих роста, дробясь о камни внизу. Оттуда, снизу, слышался спокойный глухой гул и всплывали клочья тумана. Сюда люди из рода Пятнистых Оленей ходили ловить тайменя с чешуйчатыми боками, сияющими радугой водопадов. Здесь пёс повернулся к ручью и с разбегу махнул через бегущий поток. Прямо сквозь туман, клубившийся над водой. Мыш догнал его и на лету вцепился в густую шерсть на загривке.

Если бы кто нашёл следы пса у деревни и надумал скуки ради их попытать, он добрался бы только до этого места. След вёл вначале отсюда на тот обрывистый холм и после обратно, замыкаясь в кольцо. И всё. Больше нигде никаких метин. В том числе и на другом берегу.

Далеко-далеко, по ту сторону широкого моря, в это время шёл дождь. Солнце, закатившееся над страной веннов, там только начало клониться на запад. Время было ещё дневное, но Око Богов отграничивали от земли такие тяжёлые и плотные тучи, что казалось — уже наступил вечер, вот-вот сомкнёт покров темнота.

Вместо холмов и лесного ручья здесь были каменные горы, начинавшиеся прямо из волн. Они поднимались над поверхностью сперва малыми островками. Голыми скальными костями, обглоданными ветром и морем. Волны закипали у их подножий и легко перекачивались через макушки. Ближе к матёрому берегу островки делались выше и одевались в свежую зелень. Потом выходили на сушу и становились отрогами горного хребта. В мокром сумраке не разглядеть было вершин. Тучи просто упирались в горные стены и висели на месте, изливаясь дождём. На высоких перевалах

царил холод, там вместо дождя сыпался густой снег. Прояснится небо — и горы снова предстанут в белых плащах. Такая уж здесь бывала весна.

Берег восставал из моря десятисаженным обрывом. Ветра особого не было, но у подножия скал тяжело и грозно ревел накат. Где-то далеко бушевал шторм, раскинувший косматые крылья от Тар-Айвана до Аланиола. Отголоски, докатывавшиеся до западных берегов океана, вселяли трепет. Чёрные громады одна за другой надвигались на берег и с громом и грохотом превращались в облака брызг. Брызги плотной стеной взвивались над утёсистой кручей. Ветер уносил их вглубь страны, перемешивая с дождём...

За грядой островов матёрый берег отступал, выгибаясь исполинской подковой. Там рвались на ветру огни четырёх маяков, питаемые земляным маслом и не боящиеся дождя. Маяки указывали кораблям путь в гавань. Летящая мгла почти не давала разглядеть город, только сторожевые башни угадывались вдалеке. Город носил звучное и красивое имя: Тин-Вилена. Младшая Сестра, как ещё называли.

На оконечных скалах мыса было безлюдно. Сюда и при ярком-то солнце мало кто забредал, тем более ныне: кто в своём уме будет зря терпеть холодную сырость, легко проникающую сквозь кожаный плащ, сквозь стёганую телогрейку?.. Оттого некому было заметить, как в некоторый миг через кромку утёса взвились особенно плотные клочья пены и брызг... Когда же ветер утащил их прочь и развеял — стало видно, что прочь от моря бежал большой серый пёс. И у него на загривке, зябко и недовольно нахохлившись, сидела летучая мышь.

А глаза у пса были такие, каких у собак не бывает. Серо-зелёные. Человеческие.

Когда этот человек приходил в Тин-Вилену и появлялся в «Белом Коне», вышибала при входе кланялся ему в пояс, а корчмарь Айр-Донн каждый раз пытался отказываться от денег за еду и питьё:

— У меня и так весь твой заработок лежит, Волкодав. Я его в оборот пускаю и богатею с того. И ещё ты мне за что-то будешь платить?

Человек по имени Волкодав только усмехался. Молча оставлял деньги и уходил. Айр-Донн возмущался, воздевал руки и сквернословил, поминая божественные копыта Трёхрогого. Он был из восточных вельхов и на заморской чужбине хранил обычаи родины со всем упорством и рвением, которыми славилось его племя. Одна беда — нашла коса на камень. Волкодав тоже родился за морем. И добро бы в каком праведном месте, населённом покладистым и тихим народом, а то — в диких веннских лесах. Сиречь упрямец уже вовсе непроходимый. Хуже всякого вельха.

В этот дождливый, бессолнечный день корчма Айр-Донна наполнилась раньше обычного. Скверная погода поневоле загоняет под крышу, и в особенности — к тёплому очагу, к доброй выпивке и еде. Тем и другим «Белый Конь» был в городе славен. Сюда охотно шли горожане, сюда шумно вваливались мореходы, отвыкшие в долгом переходе от свежих человеческих лиц. Особенно — женских.

— Пива, красавица! И не этой аррантской бурды, которую зачем только из-за моря везут! Местного подавай!..

— И курочек пару! Да побольше соуса, соуса!..

— А сама к нам, красавица, не присядешь? Некогда тебе? Ну, беги...

Служаночки в самом деле бегали как настёганные. Складывали в поясные кармашки позвякивающие мо-

нетки. Стряпухи на кухне угорело метались от жаровни и сковородок к земляной печи и от неё к пузатой коп-тильне.

*Все мы, братишка, кто поздно, кто рано,
Сгинем в холодных волнах океана.
В кои-то веки добравшись на сушу,
Как тут в трактире не выплеснуть душу?
Ну-ка, подруга, пивка на полушку,
Да пощедрее наполни нам кружку!
Пусть оно в глотки потоком прольётся —
Вьтъем за тех, кто уже не вернётся.
Вьтъем за пахарей сумрачной пашни,
Кто разворачивал парус бесстрашно,
Кто навсегда у подводного Бога
Загостевал в Его мокрых чертогах.
Поздно ли, рано ли — все под волнами
В круг соберёмся за теми столами...*

Волкодав появлялся всегда поздно. Но, как бы ни была набита корчма, у Айр-Донна для него непременно находилось местечко. И чашечка свежей сметаны. Тот её очень любил, а вельх чуть не единственный в Тин-Вилене умел готовить это чужеземное лакомство.

Сегодня венна почему-то всё не было видно, и корчмарь косился на дверь. Он знал: служба у Волкодава была такая, что не позавидуешь. Жрецы Богов-Близнецов шуток не шутят.

Вышибалой у Айр-Донна стоял крепкий темноволосый нарлак. В кожаных штанах и, как полагалось молодому мужчине его племени, при кожаной безрукавке. Несмотря на промозглый вечер — на голое тело, чтобы всякий мог оценить и презрение к холоду, и красивые точёные мышцы. Страна нарлаков тоже лежала очень далеко. Но такова была Тин-Вилена: населяли её почти сплошь выходцы из-за моря. И недавно приехавшие, и родившиеся уже здесь.

И песня, которую они пели, тоже приплыла сюда по солёным волнам, на корабле отчаянного купца. Завезли её, кажется, из сольвеннских земель, из стольного Галирада, где слагал знаменитые стихи одноглазый поэт Декша Белоголовый. Впрочем, Айр-Донн не стал бы ручаться, поскольку точно не знал.

Другой край шторма висел над морем много севернее и восточнее Тин-Вилены, там, где на несколько дней пути вокруг не было населённой земли. Тучи здесь медленно закручивались рваными тяжёлыми полосами, а между ними сияла неистовая холодная голубизна и щедро лилось бледное золото солнца. В южной стороне горизонта тучи смыкались, а небо обнимала непогожая тьма. Оттуда шли высокие волны. Попадая на солнце, они искрились глыбами зоркого¹ зеленоватого хрусталя. Хмурый небоскат дарил им сумрачные свинцовые блики и сообщал пенным шапкам особую нестерпимую белизну. Ближе к границе моря и неба, куда не достигал солнечный свет, валы становились вереницами серых привидений, шествовавших из ниоткуда в никуда.

Ни морщинки, ни складки не было на ярком белосинем клетчатом парусе, растянутом вдоль корабля. «Косатка» шла в-треть-ветра, направляемая опытной и отважной рукой. Вот очередная волна ударила в ясеневую скулу, и корабль встрепенулся до кончика мачты — упруго и весело, точно бодрый конь, в охотку одолевающий подъём. Нос, увенчанный резной головой чудища, высоко вырвался из воды, потом рухнул обратно. Над бортом взвилась прозрачная стена. Ещё миг — и, дробясь на лету, вода хлестнула по палубе.

---

¹ *Зоркий* — ясный, прозрачный.

Семьдесят молодых мужских глоток отозвались смехом и руганью, кто-то на всякий случай прижал сапогом край кожаного полога, прятавшего трюмный лаз.

Там, в трюме, горел маленький очажок, устроенный особым образом, так, чтобы и штормовых волн не бояться, и не вызвать пожара на корабле. Людям, проводящим вдали от берега много дней подряд, нужно тепло, нужна горячая пища. Островные севваны, поколениями ходившие в море, на корабле себя чувствовали едва ли не уверенней, чем на твёрдой земле. Впереди грозил шторм, под килем корабля до дна морского простирались, может быть, вёрсты, — а у них булькал себе над огнём закопчённый котёл, и, как ни качайся корабль, не плеснёт, не перевернётся.

Возле котла хлопотал немолодой воин с кудрявыми седеющими волосами, по обычаю Островов связанными в длинный хвост на затылке. Котёл булькал, распространяя густой запах мёда и пряностей. Пожилой севван мешал варево длинной деревянной ложкой, держа её в левой руке. Правая у него отсутствовала по локоть и годилась только на то, чтобы прижимать к боку большую оплетённую бутылку, пока левая вытаскивает из неё пробку.

Едва калека извлёк эту бутылку из устланной соломой корзины, как под полог всунулись сразу три головы:

— Давай мы раскупорим, дядька Аптахар. Тебе же с одной рукой, поди, неудобно...

— Я вас!.. — рявкнул названный Аптахаром и замахнулся на лукавцев ложкой, отчего те с хохотом шарахнулись прочь. — Лакомки... — проворчал он, справляясь с туго заколоченной пробкой.

К запахам из котла тотчас добавилось крепкое хмельное благоухание. Понятно, доверять молодцам открытие столь драгоценной бутылки было никак не воз-

можно. Вернули бы, Хёгг их проглоти, одни слёзы на доньшке.

Спиной ощущая жадные взгляды, Аптахар отмерил жидкость из бутылки пузатой кожаной кружкой. Вылил в котёл, размешал, дал слегка покипеть. Зачерпнул, поднёс ко рту...

Сзади тоскливо и протяжно вздохнули.

Аптахар свирепо покосился через плечо, вновь наполнил кружку до половины и опорожнил в котёл. Ещё раз попробовал... На сей раз вкус удовлетворил его. Он заткнул и спрятал бутылку, черпнул из котла — и, бережно держа кружку перед собой, выбрался из трюма на палубу. Прикрыл полый плаща и отправился на корму. Брызги из-за борта летели, как стрелы.

Человек сухопутный уж точно не донёс бы в целости кружку, полную почти до краёв, а то и вовсе не устоял бы на ногах. Разве что схватился бы за снасти, за скамьи, за плечи сидевших... Однорукому Аптахару помощи не требовалось. Шёл, как другие люди по земляному полу хорóm. Да он, правду молвить, в тех хоромах скорей споткнулся бы.

— Давай кружку сюда, мы уж передадим!.. — подначивали его.

— Я вам, бесстыжим, дерьма мешок нести не доверю! — отвечал старый воин.

Человек, что сидел на высоком кормовом сиденье, держа в руках правило, с дружеской усмешкой следил за приближавшимся Аптахаром. У него самого волосы горели на солнце тем светлым золотом, каким справедливые Боги очень редко одаривают даже сегванов, перекравшихся с Островов на Берег, не говоря уже об иных племенах, обитающих в глубине суши. То есть рыжие и белобрысые, конечно, всюду встречаются, но таких, словно зимний утренний луч на чистом снегу, —

замучаешься искать. Добравшись, Аптахар протянул вождю свой напиток:

— Отведай, кунс.

Кунс отведал. Всего один глоток. Согласно кивнул — и вернул кружку. Глаза у него тоже были, какие встречаются только у тех, кто поколениями живёт среди морской синевы. Цвета океана, нежащегося под солнцем, но способного всколыхнуться грозовой непогодой. Рука в плотной кожаной рукавице спокойно и чутко держала правило бегущего корабля. Ни лишнего напряжения, ни суеты. Аптахар вернулся к котлу и, нагнувшись, подтащил поближе большой кожаный короб. Стал одну за другой вынимать из него чашки и наполненными передавать в протянутые сверху руки. Сперва — для тех, кто сидел на носу корабля и принимал всего более оплеух и мокрых затрецин от налетающих волн. Потом — для тех, кто помещался посередине и на корме. Чашки, которые старый воин ловко извлекал из короба, были сами по себе замечательные. Не кожаные, не глиняные, не медные, даже не деревянные. Добрый мастер сработал их из льдисто-прозрачного, чуть тронутого зеленью стекла. Они чудесно сохраняли тепло и (многожды проверено!) не разбивались, падая на твёрдую палубу и даже на камень. А самой удивительной выдумкой стекловара было то, что чашки туго вкладывались одна в другую, занимая таким образом очень мало места, которого вечно не хватает на корабле. Кунс Винитар щедро заплатил за них в Галираде. Долго будут помнить вождя, который так заботится о своих людях! Подобной диковины, притом очень полезной, до сих пор не видали ни на одном корабле. Аптахар же про себя весьма гордился тем, что именно он привёл кунса во двор к стекловару Остею...

...Раздав горячий напиток, старый сегван наконец-то налил себе и мужественно переборол искушение

плеснуть в чашку лишнего из заветной бутылки. Пристрастие к хмельному люди стали за ним замечать примерно тогда же, когда он потерял руку: почти семь лет назад. Глупцы!.. Они видели только внешнее и полагали, будто он принялся топить вине из-за увечья. Истинная причина была гораздо глубже и горше, но о том ведал только кунс Винитар. Да ещё сын, молодой Авдика, дослужившийся до десятника в галирадской городской страже. Другим людям Аптахар ничего не рассказывал. И сам почти каждый день напивался, чтобы не вспоминать. В конце концов кунс неожиданно объявился в Галираде и сразу позвал старого товарища с собой в море.

«Зачем я тебе, Винитар? — спросил однорукий. — Обуза лишняя...»

«У меня на „косатке“ лишних не бывает», — сурово ответил вождь.

И... приставил трясущегося с похмелья пьянчужку к корабельному очагу и котлу. К съестному. К тем самым бутылкам в просторной, мягко выстланной корзине. И сказал только: «Присмотри, чтобы каждому отогреться хватило...» Каково грести или менять парус, когда ветер срывает макушки волн и превращает их в рои ледяных копий, Аптахар очень хорошо знал. Он даже обиделся на вождя, хотя, конечно, виду не подал. И с тех пор был безгрешен.

Хотя злобный Хёгг, враг Богов и людей, каждый день терзал его искушением...

Аптахар смаковал последние капли напитка и как раз пришёл к выводу, что ныне медовуха удалась ему замечательная, когда сверху послышался голос парня, прозванного Рысью за особую остроту зрения. Рысь к тому же был невысок, его, лёгкого, без труда подняли на верёвке на мачту: пусть-ка оглядится вокруг. Посу-

лили чашку добавки, если высмотрит что занятное. Последний берег скрылся три дня назад, мореходы скучали. Рысь повертел головой в тёплой шапке... и почти сразу торжественно заорал:

— Парус! Парус справа в-пол-четверти!..

Его крик был полон того яростного ликования, которое наполняет душу воителя, чающего впереди битву. С кем, за что — велика ли важность! Главное — испытать доблесть свою и врага, радуя Отца Богов, взирающего с небес. Длиннобородый Храмм от века ссорит вождей, забирая достойнейших в Своё воинство. Тех, кто верно следовал за боевым кунсом, ища ему и себе славы, и наконец сложил голову, снискав восхищение друзей и врагов!

Когда дед Аптахара был молодым воином, он встречал много таких храбрецов. А кого не встречал сам, о тех был наслышан. Он без устали рассказывал об их подвигах сперва сыновьям, потом внукам. И всё ворчал, сетуя, до какой степени оскудел нынешний мир. Люди, носившие мечи во дни дедовой молодости, помышляли больше о чести, а теперь стремились только к добыче... Внуку не годится оспаривать мнение деда, но Аптахар всё косился на вождя, привставшего на корме, и в который раз решал про себя: если старик смотрит сейчас из небесных чертогов — то-то небось гладит сивую бороду от радости за него, Аптахара. Ибо на «косатке» у Винитара то ли воскресли, то ли просто не кончались времена, которые принято называть легендарными. Молодой кунс ни дать ни взять ощутил Аптахаровы мысли. Он поднялся на ноги и сказал так, чтобы слышали все, и ветер, гудевший в снастях, не смог заглушить его голос.

— Мы сойдёмся с этим кораблём и узнаем, кто они и откуда. Если друзья, мы с ними обменяемся пивом.

Содержание

1. ОЖИДАНИЕ.....	7
2. ЗНАМЕНИЕ.....	49
3. МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ КРАЙ.....	123
4. ЗАВЯЗАТЬ УЗЕЛ	165
5. ПИВО И ПИРОГИ	207
6. СВЕТОЧ НЕГАСИМЫЙ.....	253
7. НЕ ПОКИДАЙ МЕНЯ.....	303
8. ЗА ЧЕЛНУ, НА КУЛИЖКИ	345

Семёнова М.

С 30 Волкодав : Знамение пути : роман / Мария Семёнова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 384 с. — (Миры Марии Семёновой).

ISBN 978-5-389-08136-9

Уже три года Волкодав живёт на положении добровольного пленника, обучая молодых наёмников благородному боевому искусству. Вот только результат обучения оказывается совсем не таким, какого хотели бы воинствующие жрецы... Чего на самом деле добивается лучший из учеников, готовый бросить вызов наставнику?

Между тем Волкодав всё чаще возвращается мыслями к Самоцветным горам. Похоже, для того, чтобы избавить мир от этой язвы, Высшим Силам требуется помощь смертного человека. Возможно ли, чтобы этим человеком оказался именно он?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

МАРИЯ СЕМЁНОВА
ВОЛКОДАВ
ЗНАМЕНИЕ ПУТИ

Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Ремизова
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Нина Тюрина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 07.08.2020.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 20,16. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MSN-16142-05-R